

Петренко А.Д.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ ЯЗЫКА И ПРОБЛЕМЫ СОЦИОФОНЕТИЧЕСКОЙ ВАРИАТИВНОСТИ

Социальная лингвистика как один из разделов науки о языке во многом зависит как от развития социума, так и от конкретных общественных условий, стимулирующих проведение тех или иных социолингвистических исследований.

Как справедливо отмечает В.Ю. Михальченко, в настоящее время возродилось внимание к национальным культурам и языкам, реализуется стремление разных народов расширить социальные функции национальных языков, повысить их роль в социальной жизни разных языковых общностей. [9, с. 7]

Последнее десятилетие можно считать новым этапом развития социолингвистики, требующим совершенствования ее теории, методики проводимых полевых исследований, используемой при этом терминологии. В сферу проблем изучения включены такие крупные темы, как двуязычие и многоязычие, языковая вариативность и социальное расслоение говорящих, развивающиеся языковые изменения и целый ряд других. Одним из главных стимулов данного развития являются те социальные процессы и явления, которые происходят буквально на глазах нынешнего поколения. Распад социалистического лагеря, прекращение существования СССР как единого государства, рост влияния США, объединение Германии и создание единого пространства объединенной Европы непосредственным образом отражаются в фактах языка. И хотя объединение Германии не привело, да и вряд ли могло привести, к изменениям в формах существования современного немецкого языка, его последствия сказываются и еще долго будут сказываться на их формировании и дальнейшем развитии.

Анализируя статус французского языка в развивающихся странах Африки и Азии, А.И. Чередниченко подчеркивает, что "факт независимости азиатских и африканских стран, вызвав изменение функций и функционального статуса западноевропейских языков, одновременно сделал возможным закрепление соответствующих (иногда довольно существенных) изменений в самой структуре этих языков". [15, с. 4] Подобные процессы имеют следствием и частичную перестройку системы образования, изменения ее содержательной стороны, ориентированной на новые социальные и языковые реалии.

Говоря о формировании научного направления в теории современных литературных языков и социолингвистике в аспекте их вариативности на национальном уровне, А.И. Домашнев подчеркивал тот весомый вклад, который внесли в разработку данных вопросов украинские языковеды, в первую очередь, Ю.А. Жлуктенко, А.И. Чередниченко, О.Е. Семенец, С.В. Семчинский, В.И. Карабан и др. [4, с.145] В последние годы появился ряд интересных работ, посвященных изучению языковой ситуации в Украине и в странах Центральной и Восточной Европы в перестроечный период. Новейшие исследования в данной области, такие как "Мови європейського культурного ареалу. Розвиток і взаємодія" (Памяти профессора Ю.А.Жлуктенко). - Киев, 1995; "Sprachpolitik in Mitteleuropa" (R. Wodak, R.de Cillia. - Passagen-Verlag). - Wien, 1995; "Социальная лингвистика в Российской Федерации (1992-1998 гг.)". - Материалы к XIV Всемирному конгрессу социологов (Монреаль, 26.07 - 1.08.98). - Москва, 1998, подтверждают научную достоверность теории.

Лингвистами не раз подчеркивалось, что у языка, как явления социального по самой своей природе, нет никаких иных задач, кроме сугубо социальных. Если исходить не из внешней видимости, а из глубинных содержаний языковых процессов, едва ли можно делить языковые явления на социально обусловленные и социально не обусловленные. Вероятнее всего, одни изменения в языке происходят очевидным образом и непосредственно под влиянием тех перемен, которые происходят в общественной жизни, другие же зависят от них не столь явно - лишь по конечным результатам. Иногда они могут даже казаться и вовсе не зависящими от внеязыковой деятельности.

До начала 70-х годов большинство лингвистических исследований занималось разработкой некоторых абстрактных теорий и гипотез в отношении языка, подтверждение которых откладывалось на длительное время. Главным содержанием этих теорий была идея идеального носителя языка, находящегося в абсолютно однородном человеческом обществе, члены которого знают свой язык и владеют им в совершенстве. Утверждалось, что носители языка способны к такой речевой деятельности, которая ни при каких условиях не становится подверженной влиянию меняющихся условий внешней среды.

В реальном же человеческом обществе не существует идеальных носителей языка. Нет, и не

может быть также идеальных и однородных человеческих коллективов. При этом, как подчеркивает О. С. Ахманова, "разные социальные группы, общественные слои, различные национальности оказываются в отношениях антагонистического противоречия, которое часто находит прямое и непосредственное отражение в явлениях языка, например, при отборе той или иной формы или варианта, противопоставлении друг другу различных национальных языков, искусственном стимулировании одних и подавлении других и т.п.". [1, с. 140]

После того, как многие языковеды десятилетиями исследовали язык в качестве самостоятельной знаковой системы и вопрос об общественном характере языка был исключен из исследовательской области, постепенно сложилось мнение, что такой подход заключает науку в слишком тесные рамки. [13, с. 27-48] Данное мнение, сформировавшись, было везде примерно одинаковым, как и осознание необходимости выйти за пределы отдельных мыслительных схем, в особенности относящихся к структурализму и частично к генеративной грамматике. Области, из которых пришли новые идеи и импульсы и которые уже сложились как самостоятельные, были социология, психология, социальная психология, семиотика и другие.

Необходимость социологического подхода к языку была осознана в науке уже давно, но вплоть до конца XIX столетия социальная характеристика языка давалась обычно в терминах философии, психологии и социологии. Четкое разграничение социального и структурного аспектов языка происходит лишь в лингвистике XX века. В критике концепции младограмматиков А. Мейе, один из основоположников социолингвистического направления в науке о языке, указывал на приближение времени, „когда нельзя будет ссылаться на явления психической ассоциации, не подчиненной никакому общему принципу“, и уже в начале века сделал вывод, что понять язык „можно лишь с учетом его социальной природы“. [25, с. 471]

Если первые работы в области социальной дифференциации языка отличал идеологически выдержанный и несколько упрощенный взгляд на социальную структуру общества (отсюда и наблюдаемое во многих из них сведение этой структуры к структуре классовой), то для современного социолингвистического направления в языкознании характерно стремление учитывать всю многогранность и многоаспектность социальной структуры. Впервые об этом в СССР публично было заявлено лишь весной 1986 года директором института социологических исследований Академии наук СССР Татьяной Заславской на страницах газеты "Известия".

Последние четыре десятилетия в мировом языкознании характеризуются резким поворотом в сторону социологизации явлений языка, то есть углубленным изучением форм связи с реальной действительностью. Результатом исследований явилась теория языковой стратификации - деления языка на разные „уровни“, „слои“, „страты“. Развитие социальной лингвистики как самостоятельной науки оказало большое влияние на фонетику и фонологию. Главным направлением социально-фонетических исследований в настоящее время является установление общественно значимых вариантов языковых знаков или их комплексов и анализ употребления этих вариантов в социологически релевантных группах, в определенных ситуациях и при определенной целевой направленности речевой коммуникации.

Лингвистами многих стран активно разрабатывается проблема соотношения нормативности и варьирования с учетом всего комплекса факторов, регулирующих реализацию сегментного состава языка. Появился ряд интересных работ в области фоностилистики. Определилось новое направление социолингвистических исследований - социофонетика. Л.И. Проколова подчеркивает, что в дискуссиях о перспективах и основных направлениях развития литературной нормы неизбежно возникает вопрос о том, какой социолект или диалект оказывает решающее влияние на формирование орфоэпической нормы языка. [12, с. 163] Как справедливо отмечает У. Лабов, социофонетика расширяет взгляд на функции языка, концентрирует внимание на его социальном использовании и отвергает ограничения, накладываемые традиционной формальной лингвистикой на область изучаемых фактов и характер методов исследования. [5, с. 320]

Социолингвистический анализ на произносительном уровне с учетом факторов социального порядка предоставляет лингвистам возможность:

- Описать основные тенденции звуковых изменений, происходящих в настоящее время в языке.
- Выявить особенности варьирования речи в различных коммуникативных ситуациях общения и связанный с этим выбор говорящими того или иного произносительного стиля;
- Учесть и обобщить особенности в распределении литературных, разговорных, диалектных и других языковых форм в речи представителей различных социальных групп;
- Установить набор дифференциальных признаков, отличающих речь представителей

одной социальной группы от речи другой (социолект);

- Определить набор переменных правил реализации гласных и согласных в различных социальных группах;
- Сопоставить характер варьирования речи говорящих мужского и женского пола (сексолект) в пределах одного или нескольких социальных диалектов;
- Выявить характер языковой вариативности в речи представителей различных поколений говорящих (аннолект).
- Установить особенности языковой вариативности на произносительном уровне в идиолекте на протяжении длительного времени;
- Ответить на вопрос о причинах и характере языковых изменений, зафиксировать их в развитии (динамическая синхрония);

Решение данных задач суть социальная стратификация языка, наиболее полное описание его функциональных возможностей и тенденций развития звуковой системы.

Экстралингвистическая проблематика постепенно превратилась в самостоятельную разветвленную область языкознания. Сегодня невозможно исследовать разнообразные вопросы вариативности языка без учета языкового уровня, к которому они относятся – литературного, обиходно-разговорного, просторечного, диалектного, социолектного, идиолектного и т.д. Иерархию экстралингвистических факторов, оказывающих влияние на вариативность языка, можно представить на **рис. 1**.

Настоящий переворот в языкознании осуществил американский лингвист У. Лабов, одним из первых на практике доказавший тесную взаимосвязь социальных и языковых структур на примере анализа некоторых произносительных форм в речи носителей английского языка в Нью-Йорке. [23] Л.И. Прокопова подчеркивает, что современная фонетика обязана У. Лабову тем, что он ввел числовое измерение, т.е. переменные величины, для установления корреляции между языковыми и социальными структурами. [12, с. 163] По мнению У. Лабова, сам термин „социолингвистика“ может пониматься двояко:

1. Социолингвистика это наука, которая обращается к сведениям о человеческом коллективе, являющемся носителем данного языка, как к основе для разрешения вопросов языковедческой теории, т.е. как к основе языкознания вообще.

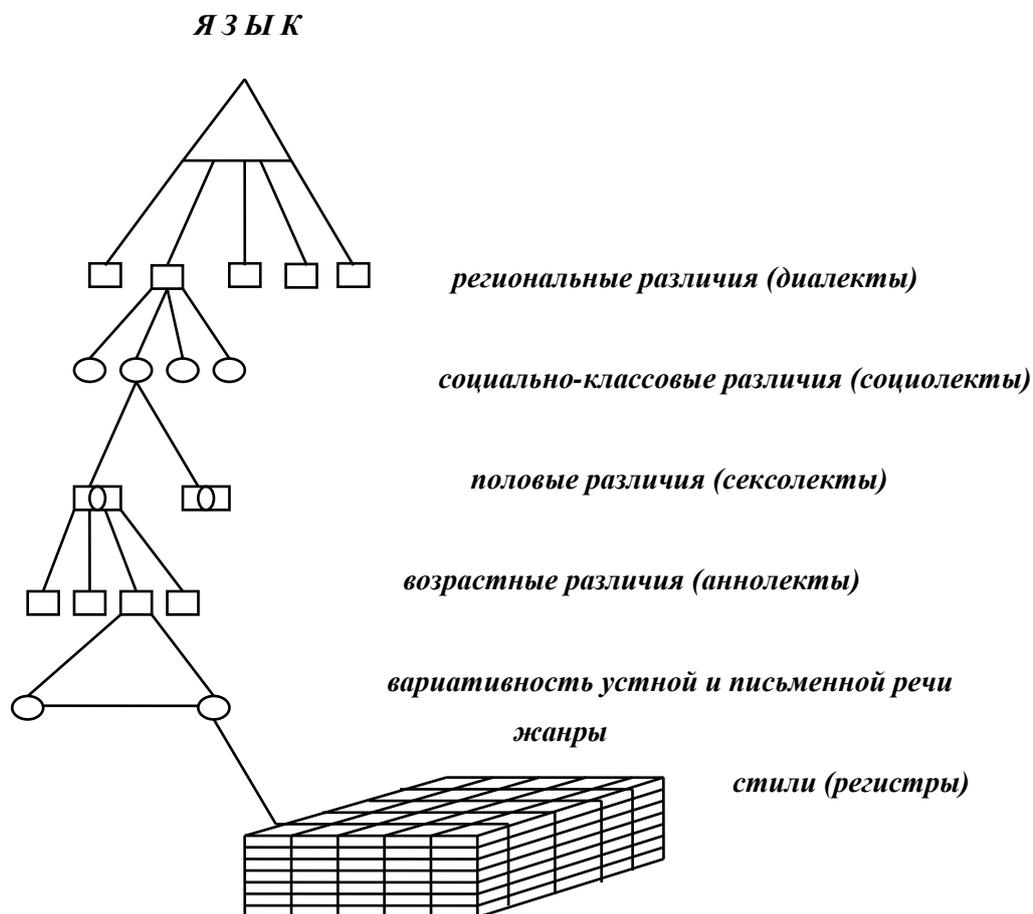

Рис. 1. Иерархия экстралингвистических факторов, оказывающих влияние на вариативность языка

2. Под социальной лингвистикой может пониматься новая междисциплинарная область исследований, предметом которой является полное и всеобъемлющее описание отношений и корреляций между языком и обществом. [6, с. 5]

Появление и развитие социальной лингвистики как отрасли языкознания само по себе вполне закономерно, поскольку дает возможность с новой точки зрения взглянуть на ряд вопросов, давно привлекающих внимание лингвистов. Одной из таких проблем, к решению которой позволяет, на наш взгляд, приблизиться лингвистическая наука в настоящее время, является проблема развивающихся языковых изменений, регистрируемых исследователями практически на всех уровнях языковой системы. Если в области лексики или семантики подобные инновации могут быть подвергнуты практически „визуальному“ наблюдению, то на уровне грамматики это требует более сложных методов регистрации и контроля, не говоря уже о фонетике и фонологии.

Язык не находится вдали от социальной системы, а постоянно развивается, отражая в своей структуре те или иные трансформации в обществе. Изменения в языке охватывают все уровни его структуры. Вряд ли можно было бы утверждать, что некоторые из них „отстают“ в своем развитии или остаются неизменными, незатронутыми. Изменения в речевом поведении нередко свидетельствуют о положении и перемещении индивида в рамках социальной структуры, поскольку речевое поведение является индикатором изменения положения говорящего, отражением его социальной принадлежности.

С точки зрения традиционных подходов часто звучат довольно категоричные утверждения в оценке вопроса языковых изменений. Так, по словам Е. Хаугена, некоторые внешние причины для бессознательных языковых изменений можно принять лишь с большими предосторожностями. Ни климат, ни оккупация, ни физиология, ни характер, ни история не могут быть причинами, вызывающими такие глубокие лингвистические изменения, как передвижение германских согласных или сдвиг гласных в английском языке, умлаут и потерю окончаний в большинстве романских и германских языков. [20, с. 229-237]

С подобным утверждением можно согласиться лишь в том смысле, что ни одно из перечисленных автором внешних условий существования общества непосредственно не вызывало те или иные изменения в языке. Однако то, что эти лингвистические изменения связаны с изменениями в общественной жизни, – бесспорно. Необходимость поиска источников языковых изменений, а также возможность их объяснения с помощью постоянных элементов или переменных признаков социальной системы привели лингвистов к исследованию более тесных и тонких взаимоотношений языка и общества.

Нельзя отрицать того очевидного факта, что возникшие под воздействием социально-экономических факторов контакты между народами и их естественное следствие – взаимодействие контактирующих языков, приводят к серьезным изменениям в структуре языка и, в частности, к довольно существенной перестройке фонологических систем. Е. Хауген, безусловно, прав, заявляя, что нет языков, которые изменяются сами по себе, но есть люди, которые изменяют языки. „Меняются люди и звуковые изменения есть простая манифестация изменений у людей“. [20, с. 229]

Г. Вольф полагает, например, что древневерхненемецкое передвижение согласных началось в среднефранкском сначала только у одной социальной группы, а именно, у аристократии, которая искала из политических соображений языкового союза с верхненемецкими племенами. [29] Автор усматривает, следовательно, процесс возникновения и развития языкового изменения в пределах отдельной социальной группы, которое распространилось позднее в речи представителей других социальных коллективов. Подобные явления можно отнести, вслед за К. Вагнером, Г. Вольфом, К. Митцкой, к понятию „престижа элиты“.

По мнению Г. Вольфа, языковые изменения не однократный акт, а сравнительно долгий процесс. Вначале он происходит на идиолектном уровне. Только после принятия его более широким коллективом говорящих индивидуальное изменение получает шанс быть признанным языковой общностью. К сожалению, Г. Вольф не уточняет, о каком именно коллективе говорящих идет речь. Он лишь делает уточнение, что первичную реализацию варианта на фонетическом уровне можно объяснить структурными, „имманентными“ по отношению к языку факторами. Таковыми как артикуляционная база, количественные характеристики звуков, темп речи, мелодика, акцент и другие. Автор приходит к выводу, что эти „механические“, „спонтанные“ (в терминах младограмматиков) факторы должны быть глубоко перепроверены влиянием элементов социального

[t s α '] p a l t u ŋ] - *Zerspaltung*; [t s α ' f a l] - *Zerfall*,

то есть такими, какими они предложены в словаре (GWDA) в качестве нормы произношения, получили негативную оценку 150-ти информантов, представителей шести социальных групп (школьники, студенты, преподаватели, юристы, врачи, предприниматели) в ходе тестов на субъективную реакцию, проведенных в период с 1993 по 1997 гг. среди слушателей института иностранных языков земли Северный Рейн-Вестфалия. 55% опрошенных заявили, что это просто ошибка в произношении. 36% ответили, что это исключительно диалектная форма, типичная для говорящих на юге и востоке Германии и выдает уроженцев Баварии или Саксонии. 9% участников опроса ответили даже, что данную реализацию отличает сильно вульгаризованный оттенок, который в речи собеседника „режет слух“ [11].

В то же время многие носители языка употребляют в обстановке официального общения полноартикулируемый гласный [e :] в безударных приставках *be-* и *ge-*, то есть в позиции, где согласно норме произношения необходима реализация редуцированного [ə]. И хотя число подобных реализаций невелико (от 3% до 18% в различных социолектах), необходимо отметить, что подобное расширение и, соответственно, усложнение артикуляции встречаются нередко. На это обстоятельство указывает и Л.И. Проколова, в характеристике произносительных особенностей социолекта школьников [12].

Таким образом, в первом случае имеет место несоответствие произношения информантов норме в официальной речи. Это само по себе странно, так как ставит под сомнение истинность словарной нормы и противопоставляет ей реальность речи, где продолжают реализовываться формы [E R], [f E R], [t s E R], представленные к тому же во всех словарях немецкого произношения до 1984 года. В действительности обозначается четкая граница в выборе варианта реализации приставок в зависимости от степени официальности общения – от вокализованного [α] в непринужденной речи до [E R], [f E R], [t s E R] в официальной.

Во втором случае, при переходе [e:] → [ə] в приставках *be-* и *ge-*, происходит совершенно новое явление, не зафиксированное ранее в исследованиях немецкого произношения, и описанное нами впервые в характеристике социолекта немецких студентов восточной Германии еще в 1986 году. [10]

Одно часто используемое объяснение лингвистических изменений относит подобные сдвиги на счет заимствований из диалектных разновидностей, пользующихся более высоким престижем. Но если действие этого фактора, как отмечает У. Лабов, можно наблюдать во многих сельских районах, то в больших городах изменения возникают в центре пролетарских районов, причем пользующийся низким социальным престижем городской диалект становится все более и более отличным от диалекта среднего класса. Во всех до сих пор исследованных случаях фронт языкового сдвига проходит в пределах центральных групп общества, а неравномерное распределение по классам закономерно сочетается с протеканием языковых изменений.

Подбирая соответствующие объяснения подобным явлениям, функционалистическая теория следует общему положению, что принцип звуковой системы заключается в различении слов и, таким образом, в передаче референционного значения. А. Мартине выдвинул предположение о том, что многие звуковые сдвиги можно объяснить, исходя из функциональной роли звуковой системы: цепи сдвигов выявили тенденцию системы сохранять различия, стиранию которых угрожает принцип наименьших усилий. [24]

Однако так же часто, как мы встречаем цепи изменений, противостоящих смещению значений, наблюдаются и изменения, приводящие к постепенному стиранию и потере различий. Так, например, количественная редукция приводит в быстрой немецкой речи к слияниям, а иногда и к потере различий – *Kamm-kam*; *kam-kann*; *Weg-weg*, а также по признаку звонкости / глухости - *reisen-reißen*, или в случаях выпадения согласных – *niesen-nieseln*. В свою очередь, качественная редукция гласных, смещение вниз и вверх по степени подъема языка и изменения по признаку ряда приводят к тому, что некоторые слова становятся в результате сдвига неразличимыми, например, *ihr*, *er*, *Ohr*, *Uhr*; *ein*, *einen* и пр. Ряд разговорных и диалектных произносительных форм немецкого языка возможно идентифицировать, лишь принимая во внимание языковой контекст или соответствующие формы стандартного произношения, где подобные реализации выступают нередко в другом значении, например:

[g R o s],	[h o z n]	„Gras“, „Hasen“,
[g R u s]	[u R]	„groß“, „Ohr“,
[m a l]	[n a b l]	„Mehl“, „Nebel“,
[s t e n]		„Stein“,
[v i]		„weh“.

Н.С. Чемоданов отмечает, что в современном греческом языке, например, семь фонем слились в одну [i:]. Нередко утрачиваются и грамматические различия. Французский язык потерял с исчезновением конечного *-s* важнейший признак множественного числа. В большинстве случаев лишь смещение гласных позволяет сохранить разграничение между единственным и множественным числом. Однако со временем и это существенное различие почти стерлось. Так, например, Шарль де Голль, в обращении к французскому народу со словами „*Je m'adresse aux peuples...*“, понимая функциональную недостаточность языка, вынужден был добавить „*au pluriel*“. [14]

Наличие двух и более значений часто приводит к т.н. „*игре слов*“. В немецком языке примером может служить фамилия бывшего федерального канцлера Германии Гельмута Коля („*Kohl*“ по-немецки означает „*капуста*“). На территории новых федеральных земель (бывшая ГДР) получило распространение такое выражение: „*Wir haben Stalinismus ausgerottet, Demokratie gesäht und Kohl geerntet*“ (курсив мой - А.П.), что значит, „мы выкорчевали сталинизм, посеяли демократию и собрали урожай ...*капусты*“ (ведь „*Kohl*“ означает по-немецки еще и „*глупость*“).

Как показали исследования У. Лабова в Нью-Йорке, смещение гласной позволяет, тем не менее, отличать *can* от *can't* даже в том случае, когда происходит упрощение конечной группы согласных, приводящее к исчезновению конечного. [t] Так для утвердительной формы имеется [k æ n], а для отрицательной – [k a: n (t)]. Однако дальнейшие изменения уничтожают это различие, и на севере Нью-Джерси часто можно услышать [k æ: n] для обеих форм, так что слушателям приходится останавливать говорящего и переспрашивать по буквам, что он имел в виду, C-A-N или C-A-N-T? [23; 7]. Вместо обычного по своей простоте отрицания *nicht*, множество немцев предпочитают опускать конечный согласный [t], или произносят близкие диалектным формам - [n Ø:]; [n e:], вплоть до знакомого [n E t]. В северонемецком ареале соседствуют формы, имеющие дифтонг в стандартном языке и монофтонг в диалекте (*haus - hus*), в центральных районах Германии - пловивный [g] и глайд [j] (*gut - jut*), формы с вокализованным [ɪ] в южнотемецких регионах [f ÷ ɪ] - [v o: i]. Взаимодействие таких вариантов неизбежно сказывается как на норме стандартного произношения, так и на функционировании разговорного языка и местных диалектов.

Социолингвистами не раз подчеркивалось, насколько малую роль могут играть функциональные ограничения в свете мощных и трудно предсказуемых процессов, сущность которых является объектом современных исследований. Данные процессы связаны, вне всякого сомнения, и с дифференциацией населения, так что представителям одного поколения становится все труднее понимать лиц, принадлежащих к другому поколению. Это же касается различий внутри языковых сообществ, то есть речи представителей разных социальных групп, особенностей мужских и женских вариантов произношения, своеобразия языка детей и т.д. По справедливому замечанию В.М. Бухарова, языковая деятельность группы говорящих любого уровня имеет одинаковую регулятивную основу: принципы социального контроля и престижности, что находит свое отражение в языковой норме. [2, с. 10] А поскольку исследователи ограничиваются чаще всего рамками функционального подхода к языку как к средству передачи информации, то многие изменения становятся часто трудно объяснимыми и парадоксальными с позиций традиционного подхода.

Наиболее важный вывод, к которому приходит социолингвистика в настоящее время, это вывод о необходимости особо рассматривать лингвистическое определение значения, которое оказывается существенно более узким, чем социальное, экспрессивное или стилистическое. По утверждению У. Лабова, „невозможно никакое социальное, директивное или аппелятивное значение, коль скоро не существует первичного лингвистического определения понятия тождества, основанного на референционном значении. В противном случае слушатель будет воспринимать замену как указание на то, что говорящий сказал нечто иное, а не произвел выбор способа выражения некоторого утверждения, информируя, таким образом, о положении, статусе слушателя или отношения к нему“. [7, с. 5-30]

Во всех случаях общающиеся производят социальный выбор одного из конкурирующих способов формулирования какого-либо высказывания. Поэтому социолингвистические исследования отвечают одному из главных постулатов лингвистики, принадлежащему Л. Блумфильду и гласящему, что „некоторые высказывания идентичны или отчасти сходны по звучанию и значению, несмотря на то, что нет двух фонетически тождественных высказываний“. [17, с. 125]

Закономерности в выборе того или иного варианта, характер их замены, социальное применение, важны для социолингвистики в равной мере. Как утверждает Е. Стартеван, "...мы не можем понять системы фонетических законов, пока не узнаем, каким образом соперничество между фонемами привело к победе одной из них. Перед тем как фонема сможет распространиться от слова к слову... необходимо, чтобы один из двух соперников приобрел некоторый престиж“. [28, с. 234]

Мысль Е. Стертевана о престиже фонем следует, видимо, понимать так, что престиж определенным образом переносится на одну из вариантных лингвистических форм языковой / речевой общности. Данная лингвистическая форма обладает, следовательно, определенной социальной ценностью для этой общности, то есть, наделена определенным социальным значением. С тех пор, как А. Мартине высказал мысль о динамической синхронии [24], лингвистам был дан мощный импульс для проведения интенсивных исследований языковой вариативности. В данном направлении достигнуто много успехов. Подавляющее число исследований ориентировалось на ситуативную вариативность, учитывая, прежде всего стилистический, а в фонетике – фоностилистический аспект.

Первые попытки функционально-стилистической дифференциации языковых явлений немецкого языка принадлежат лексикологам, как, например, Р. Клаппенбах, распределившей лексику в академическом „Большом словаре современного немецкого языка“ („Großes Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache“) по четырем функциональным стилям языка [R.Klappenbach u.a.: 1977].

В „Большом словаре немецкого произношения“ (GWDA) впервые сделана попытка обозначить некоторые различия в речевом поведении носителей немецкого языка с учетом трех стилистических разновидностей речи, связанных с изменением ситуации общения. К таковым авторы словаря относят:

1. Произношение при декламации, а также при чтении без микрофона доклада в торжественной обстановке;
2. Произношение при чтении манускриптов на радио или чтение художественных текстов прозы;
3. Произношение в спокойной, деловой беседе или доклад, сделанный в непринужденной, деловой обстановке [GWDA].

Данная дифференциация основывается на исследованиях Г. Майнхольда [26, с. 147] и С.М.Гайдучика [3, с. 320] о фоностилистических аспектах устной немецкой речи и восходит, по сути, к традициям ленинградской лингвистической школы Л.В. Щербы, различавшего, как известно, полный и разговорный стили речи. [16, с. 134]

В 14-ом издании словаря произношения современного английского языка Джоунза также зарегистрированы значительные изменения в распределении некоторых фонем в составах слов, изменения в порядке следования произносительных вариантов многих лексем, появление новых вариантов фонемных структур у некоторых слов и т.д. [22]

Привлечение стилистического аспекта в современных исследованиях языковой вариативности вполне закономерно и необходимо. Вопрос об определении стилей выдвинулся на передний план в лингвистике давно и является, по существу, ключевым вопросом, от которого зависит решение многих других проблем. Со стилистическим фактором связана в определенной степени и проблема изучения развивающихся языковых изменений. Подобные исследования трудоемки, а потому малочисленны, что затрудняет в настоящее время возможность составления, скажем, атласа социальных диалектов того или иного языкового ареала. Без учета же целого спектра факторов социального порядка вряд ли можно делать достоверные выводы о тех процессах, которые происходят в языке в настоящее время, прогнозировать их, обратиться к проблеме языковых изменений также в плане диахронии.

Литература

1. Ахманова О.С. (рец. на книгу) W.Labov: The social Stratification of English in New York City. // Вопросы языкознания. - 1967. - №6. - С. 140-142.
2. Бухаров В.М. Варианты норм произношения современного немецкого литературного языка. - Нижний Новгород, 1995. - 138 с.
3. Гайдучик С.М. Фоностилистический аспект устной речи: Экспериментально-фонетическое исследование на материале немецкого языка. Автореферат дисс. ... докт. филол. наук: 10.02.04 / - ЛГУ. - Л., 1973. - 31 с.
4. Домашнев А.И. Концепция национального варианта литературного языка (Из опыта научного сотрудничества российских и украинских лингвистов) // Мови європейського культурного ареалу. Розвиток і взаємодія. - К.: Вид-во Довіра, 1995. - С. 136-150.
5. Лабов У. Отражение социальных процессов в языковых структурах // Новое в лингвистике. - Вып. 7. - М.: Наука, 1975. - С. 320-336.
6. Лабов У. Исследование языка в его социальном контексте // Новое в лингвистике. - Вып. 7. - М.: Наука, 1975. - С. 96-182.
7. Лабов У. Единство социолингвистики // Социально-лингвистические исследования. - М.: Наука, 1976. - 232 с.
8. Мейе А.: Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. - М. - Л., 1938. - 471 с.

9. Михальченко В.Ю. Социальная лингвистика в Российской Федерации (1992-1998 гг.) // Материалы к XIV Всемирному конгрессу социологов (Монреаль, 26.07 - 1.08.98). - Москва, 1998. - С. 7-14.
10. Петренко А.Д. Тенденции развития немецкого произношения в студенческой среде ГДР. Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. - Киев, 1986. - 203 с.
11. Петренко А.Д. Социофонетическая вариативность современного немецкого языка в Германии. Дисс. ... доктора филол. наук: 10.02.04. - Киев, 2000. - 453 с.
12. Прокопова Л.І. Соціолект школярів і німецька літературна вимова // Мови європейського культурного ареалу. Розвиток і взаємодія. - К.: Вид-во Довіра, 1995. - С. 163-168.
13. Хартунг В. О смысле и содержании современной концепции языка. // Актуальные проблемы современного языкознания. - М.: Прогресс, 1979. - 309 с. - С.27-48.
14. Чемоданов Н.С. Проблемы социальной лингвистики в современном языкознании // Новое в лингвистике. Вып. 7: Социолингвистика. - М., 1975. - С. 5-32.
15. Чередниченко А.И. Язык и общество в развивающихся странах Африки: Проблемы функционирования западноевропейского языка. - К., 1983.
16. Щерба Л.В. Теория русского письма. (Отв. ред. Л.Р.Зиндер.) - Л.: Наука, 1983. - 134 с.
17. Bloomfield L. Language. - New York: Henry Holt, 1933. - 386 p.
18. Gauchat L. L'unité phonétique dans le patois d'une commune. // Aus romanischen Sprachen und Literaturen: Festschrift Heinrich Morf. - Halle, 1905.
19. GWDA - Großes Wörterbuch der deutschen Aussprache / U.Stötzer u.a. - Leipzig: Akademie-Verlag, 1984. - 984 S.
20. Haugen E. Social factors of sound change. // Proceedings of the IX - th International Congress of Phonetic Sciences. - Copenhagen, 1980. - Vol. III. - pp. 222-237.
21. Hermann E. Lautveränderungen in der Individualsprache einer Mundart. // Nachrichten der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen phil. - his. KL. 1929. - V.11.
22. Jones, Daniel / A.C.Gimson / Susan Ramsaran: English Pronouncing Dictionary. - London, 1988.
23. Labov W. The social stratification of English in New York city. - Washington: D.C., 1966.
24. Martinet A. Economie de changements phonétiques. - Berne, 1955.
25. Meillet A. Linguistique historique et linguistique generale. - V. 1., Paris, 1926. - 240 p.
26. Meinhold G. Deutsche Standardsprache. Lautschwächungen und Formstufen. - Jena: Friedrich Schiller Universität, 1973. - 147 S.
27. Reichstein R. Study of social and geographic variation of linguistic behaviour // Word. - Vol. 16, 1960.
28. Sturtevant E. An introduction to linguistic science. - New Haven, 1947.- 234 p.
29. Wolf H. Sprachwandel in soziolinguistischer Sicht. // Germanistische Linguistik. - Olms. - Varia 1, 1970. - Nr. 6. - 700 S.